

УДК 373

**ОТОБРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ И ПАМЯТИ ЧЕРЕЗ
ИЗОБРАЖЕНИЕ**

DISPLAYING HISTORY AND MEMORY THROUGH AN IMAGE

Щупленков Николай Олегович

**Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин,
Ставропольский государственный педагогический институт, Филиал в
г. Ессентуки**

Shchuplenkov Nikolay Olegovich

**Associate Professor of the Department of History, Law and Social
Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, Branch in Yessentuki**

Аннотация:

Цель работы – представить отношения, которые изображение поддерживает с историей и памятью, как формы приближения к прошлому. Методология заключалась в рассмотрении того, как историческая дисциплина и другие социальные науки использовали изображение в качестве инструмента для изучения социального прошлого, путем выявления достижений и ограничений в этой области. Делается вывод, что изображение играет фундаментальную роль в процессах формирования коллективной памяти, особенно там, где имели место травмирующие переживания.

Ключевые слова: изображение; история; коллективная память; образ; прошлое; символ.

Abstract:

The aim of the work is to present the relationship that the image maintains with history and memory as a form of approximation to the past. The methodology was to examine how the historical discipline and other social sciences used the image as a tool for studying the social past, by identifying achievements and limitations in this field. It is concluded that the image plays a fundamental role in the formation of collective memory, especially where traumatic experiences have taken place.

Keywords: image; history; collective memory; image; past; symbol.

В первую очередь автором рассматриваются точки соприкосновения и расхождения, сходства и особенности истории и памяти как двух различных способов приблизиться к прошлому. Кроме того, речь пойдет о понимании взаимосвязи этих двух областей с изображениями. В своей новаторской работе «Коллективная память», опубликованной посмертно в 1950 году, французский социолог М. Хальбвакс провел четкое различие между коллективной памятью как формой присвоения прошлого сообществом для обеспечения его коллективного существования, постоянства во времени и «исторической памятью», созданной благодаря

коллективной памяти ставшей основой научной дисциплины истории, которая рассматривала прошлое как объект своего изучения. Примерно в то же время в своих тезисах по философии истории (1982 г.) В. Бенджамин подверг критике историзм, доминирующую в его эпоху историографическую модальность с марксистской точки зрения, имея в виду исторический материализм и, в частности, «память» как возможность вторжения прошлого в прошлое, присутствующее в те «опасные моменты», когда этого требуют текущие обстоятельства.

В исторической науке утвердилось мнение, что история и память – это два дискурса, две практики, две области, относящиеся к прошлому, которые представляют прошлое (переносят его в настоящее), но делают это по-разному [3]. Предположительно, память более субъективна, фрагментарна, менее надежна, ее не интересует правда о том, что произошло, она мутирует в соответствии с различными представлениями, из которых запоминается. Напротив, история якобы более объективна, всеобъемлюща и содержит пространственную форму. Согласно Рико и Шартье, память функционирует на основе доверия или веры в свидетельства, в то время как история основывается на документальной критике источников, которая направлена на подтверждение достоверности исторического дискурса. История относится к области науки, память – к области повседневной жизни [7; 8]. Хотя все эти различия частично верны, важно отметить, что Хальбвакс и Бенджамин высказывали свою критику, думая об определенном типе историографии: позитивистском историцизме девятнадцатого столетия, стремящемся отделить субъективность историка от его исследований, затрагивающим только письменные документы и одержимой объективностью и истиной с точки зрения наивного реализма. Сегодня историки все больше осознают субъективность – как необходимое условие и, прежде всего, как вклад, а не как препятствие историческому знанию – так и невозможность достижения объективной и полной истины о прошлом.

Коллективная память, как явление, охватившее во второй половине двадцатого века политическую, юридическую и академическую сферы, изменила историографическую практику, заставив историков задуматься о том, как они подходят к прошлому и как оно влияет на наше настоящее, в то время как история – это не что иное, как история, осознание важности памяти в качестве объекта изучения, начав с «историзации» воспоминаний. Все это привело к тому, что границы между памятью и историей стали все более размытыми. Историк конца двадцатого и начала двадцать первого веков в большинстве случаев осознает этот контекст. Поэтому, по словам Э. Траверсо, повседневность начала вмешиваться в «общественное использование истории»: «В качестве экстерриториального "посредника" (*Grenzangër*) историк является должником памяти, но, в свою очередь, действует на нее, поскольку способствует ее формированию и ориентации.

Именно потому, что, вместо того чтобы жить взаперти в своей башне, он участвует в жизни гражданского общества, историк вносит свой вклад в формирование исторического сознания, коллективной памяти (множественной и неизбежно противоречивой, проходя через все социальное тело). То есть его работы способствуют созданию того, что Хабермас называет ‘публичным использованием истории’» [9, р.37].

История и память – это две концепции, связанные одним общим элементом: прошлым. Все события, которые произошли давным-давно, могут быть восстановлены благодаря воспоминаниям или результатам, которые историк получает в результате расследования, однако эта связь не означает, что они одинаковы или что их можно понимать как эквивалентные термины. Существуют четкие различия между историей и памятью, а также местом, которое каждая из них занимает, но и то, и другое является построением того, что произошло. Память возникла как защита от официальной истории, преследующей определенные политические интересы. Для Траверсо этот интерес к памяти нашел отражение в работах, появившихся в 1960-х годах, содержание которых в основном основывалось на свидетельствах второстепенных секторов, которые не были официальными архивами.

Если история строилась на основе официальных государственных архивов, тем самым, было логично оставить в стороне другие точки зрения, которые могли представлять интерес для общества, поскольку они обогащают исторический ландшафт, особенно когда он связан с жертвами какой-либо войны или нападения со стороны репрессивного правительства. Те второстепенные секторы, которые из-за построения официальной истории теряются, забываются, потому что история создается победителями и, к сожалению, не раз становится инструментом государственной политики для сокрытия или стирания фактов.

Память – это путь, с помощью которого люди могут использовать память для достижения своих целей, для правосудия и защиты прав человека [5]. В то время как история может служить целям тех, кто находится у власти, память – лучшая защита жертв, благодаря ей их воспоминания преобладают и в лучшем случае помогают наказать виновных в ужасных преступлениях.

Но как у памяти есть достоинства, так и у нее есть недостатки. Свидетельства можно интерпретировать по-разному, и поэтому им нельзя полностью доверять. Этот аргумент разумен, потому что памятью также можно манипулировать, поскольку каждый человек вспоминает событие по-своему. Кроме того, в соответствии с его восприятием и опытом он должен спасти то, что, по его мнению, наиболее важно. Память может быть создана на основе реального опыта, но иногда воображение, вымышленное интегрировано в воспоминания, что делает историю более объективной для реконструкции прошлого благодаря особенности метода изучения.

Таким образом, основные различия будут заключаться в двух измерениях: с одной стороны, в источниках, а с другой – в подходе к изучению прошлого, в то время как история кроется в документах, память – это живое тело, потому что она исходит от людей, но поскольку существование людей недолговечно, они не могут существовать вечно, очевидно, что их воспоминания исчезнут в тот день, когда они умрут, поэтому история имеет преимущество перед памятью, поскольку ее источники обладают большей стойкостью в этом аспекте.

Со времен Древней Греции философы рассматривали память как способность восстанавливать переживания прошлого, вызывая образы, которые выполняют функцию мнемонических следов. Точно так же современный психоанализ сосредоточился на изучении взаимосвязей между прошлым и настоящим, опосредованных ментальными образами, заложенными в психике людей. «Концепции мира» прошлых миров – в значительной степени воображаемы, а образы, будь то повествовательные или образные, представляют собой представления о воображаемых отношениях людей и их реальных условиях существования. С другой стороны, следует подчеркнуть, что феномен памяти – это сенсорный феномен; память активируется органами чувств: зрением, вкусом, осязанием, обонянием и слухом [1]. Прослушивание песни, дегустация еды, прикосновение к текстуре или просмотр фотографии могут вызвать воспоминания об опыте, который был пережит в прошлом. Таким образом, они запоминаются, в частности, с помощью изображений и через них.

Когда мы говорим о коллективной (или социальной) памяти сообщества или нации, следует также иметь в виду, что она передается с помощью различных средств массовой информации, которые фиксируют представление о прошлой и настоящей социальной реальности. Медиа не являются нейтральными носителями прошлой информации, которая имеет отношение к памяти: они снова и снова создают то, что, кажется, кодифицируют версии реальности и прошлого, ценностей и норм, концепции идентичности.

Следует отметить, что в современном контексте, в котором господствует потребительское общество модели неолиберальной глобализации, визуальные средства массовой информации и широкое распространение изображений (видео, кино, телевидение, Интернет), являясь центральными элементами в современной кодификации [2]. Определенные изображения, которые выходят за рамки своей первоначальной функции и становятся тем, что можно назвать «светскими иконами», не только изображающими события, но и в значительной степени определяющие опыт и восприятие исторических событий.

Все знают, каковы их герои, их места, события и символические символы, их общая история, которая объединяет акторов как членов «воображаемого сообщества». Образы дворян в XIX веке в России были

многогранны: от аристократов, живущих по европейской моде (с сюртуками, цилиндрами, корсетами, светскими раутами) до новых «служилых» дворян, вошедших в образы профессоров, юристов и инженеров после отмены крепостного права, но все они выделялись привилегиями, образованием, особой «дворянской культурой» и сильным влиянием западных веяний, отражающих как роскошь, так и внутренние противоречия, как в литературе Пушкина, Тургенева, Толстого.

Это так, потому что примерно два столетия назад одной из самых насущных задач современных национальных государств было создание репертуара образов и символов, иконографии родины, которая придавала бы визуальную основу истории (родины), в которой каждый мог бы признать их общее происхождение, начиная с педагогически-перформативных стратегий и заканчивая визуальными эффектами, например, преподавание в школе, публичные поминки, картины и реликвии, выставленные в музеях. В значительной степени, и не только на словах, история была изучена на изображениях; именно по изображениям была передана, казалось бы, однородная и общая память; именно по изображениям стала узнаваемой как часть истории, которая не обязательно была пережита [4].

Если рассматривать историю как особую научную дисциплину, а не как технологию укрощения социальной памяти, служащую различным политическим проектам, например, проектам построения евроазиатского культурно-исторического пространства, следует признать, что это традиционно было священной практикой, почти исключительно на основе документов и письменных свидетельств прошлого. Тем не менее, историография также использовала изображения как мост, чтобы приблизиться к прошлому, хотя почти всегда картины, фотографии, скульптуры, архитектура – это не все, что связано с историей и памятью, использовались как иллюстрации, а не как объекты изучения как таковые. Во всяком случае, многие из пережитков и следов прошлого представляют собой изображения различных характеристик, приемов, носителей, которые взгляд исследователя может превратить в исторические документы. Все больше историков используют изображения, чтобы проникнуть в аспекты прошлого, которые до сих пор мало изучались. На самом деле важность изображений заключается не только в том, что они могут служить свидетельством прошлого, но и в том, что они могут помочь «представить» его и лучше понять [6].

Картины, статуи, гравюры позволяют потомкам делиться опытом и невербальными знаниями культур прошлого позволяют нам понять, сколько вещей мы могли бы узнать, если бы относились к ним более серьезно. Тем самым, изображения позволяют нам «представить» прошлое более живым. Тот факт, что изображения использовались в разные эпохи в качестве объектов поклонения или средств убеждения, а также для

предоставления зрителю информации или удовольствия, позволяет им свидетельствовать о формах религии, о знаниях, убеждениях, удовольствиях прошлого. Хотя тексты также дают нам важные подсказки, изображения являются лучшим руководством для понимания той силы, которую визуальные представления имели в политической и религиозной жизни древних культур.

Подчеркнем, историки и социологи больше не могут быть равнодушны к изображению, потому что мы живем в мире, пронизанном производством, распространением и насыщенностью изображений.

Образ как мысль представляет собой нестабильный тип эпистемологии, который еще не полностью сформировался, аффективные отношения, которые определяются границами символического. По этой причине сейчас не время и не место для выработки конкретных определений, поскольку мы считаем необходимым немного углубиться в изображение, чтобы понять его как можно лучше.

Как изображения в целом, так и фотографии в частности можно рассматривать как сложные повествовательные формы о событиях, образующие, таким образом, восстанавливаемые воспоминания об исторических событиях, настолько, что можно рассказать историю определенного исторического события с помощью изображений, хотя они сами по себе не являются словесной речью, например, если вы не хотите, чтобы кто-то что-то видел. Сочинская олимпиада 2014 года, воссоединение Крыма с Россией составляют единый образ российской повседневности. Память – это всегда актуальное явление, место, прожитое в вечном настоящем; история – это представление прошлого. Изображение сохраняет прошлое в настоящем. 18 марта 2014 года является важной вехой единения российской нации, и в большей степени в умах крымчан, стремящихся сохранить русскую культуру и самобытность.

Фотография может выходить за рамки времени, культуры и географии того места, где она была сделана, до тех пор, пока не выйдет за рамки условного, приобретая универсальность, например, гриб атомной бомбы и первый человек на Луне. Светская икона навязывается не сама по себе, а навязывается ее тиражом, и это зависит от ее эстетической эффективности и ее дискурсивной эффективности. То, что удастся воссоздать в настоящем из прошлого, происходит благодаря изображениям, а не самим фактам, но это определяет центр духовного осознания реального.

Важно принять во внимание смену парадигмы, произошедшую после движения за новую историю (*Nouvelle Histoire*) в 1929 году такими авторами, как Л. Февр или М. Блох, а также апостериорные вклады других авторов, таких как П. Рикер, Жак Ле Гофф, Р. Шартье, П. Нора или П. Берк. Важную роль в исторической парадигме сыграло позитивное историографическое направление. С одной стороны, в противовес идее

однородной культуры, бессмысленности метарел и утопических повествований, основанных на модернистском уклоне, был начат пересмотр определенных тем, которые в пространственном плане определяют практику историка как прошлое или память; в то же время были предложены новые стратегии подхода, картирования и анализа представления прошлого, чтобы с его помощью не только создавать новую историю, но и переосмысливать уже написанное: деконструктивистская работа, в которой изображение играет главную роль. История и память стали двумя ведущими способами обращения к прошлому. Данное разъяснение жизненно важно, поскольку оно помогает понять, что история – это наука, которая является объектом изучения, записи и понимания прошлого человека и контекста, в котором он живет. Дисциплина, которая, как и социальные науки, стремится документировать и проверять природу и оригинальность различных источников, чтобы восстановить линейность давних времен, в то время как в рамках памяти свидетельства и субъективное становятся существенными.

На заре постмодерна образ начинает действовать историографически, заботясь о других типах приоритетов, таких как анализ визуальных образов, а также эмпирических знаний и свидетельств, как с точки зрения обновленной реальности, так и с точки зрения пересмотра уже прожитого, то, что уже написано, в стремлении поставить под угрозу ритуализированные версии прошлого. В этом смысле идея познания себя, в том числе и через других, считается фундаментальной, поскольку таким образом, принимается не только имманентность субъективного, но и социальная реальность как личности, которыми мы являемся.

Возможности, которые дискурсивно открывает концепция социальной памяти для обращения к прошлому, многочисленны, при этом мы стараемся не впадать в логоцентрические позиции, умея сочетать объективное с субъективным, глобальное с фрагментом, свидетельство с архивом, индивидуальное с коллективным, повседневное с личным, и, таким образом, делающее видимой сложность мира, в котором мы живем. Еще один важный момент – это роль изображений в решении проблемы коллективной памяти.

Изображение обладает бесценным мнемоническим потенциалом. Фактически, простая фотография может вызвать всевозможные сенсорные или относительные ассоциации из разных жизненных событий, способные вызвать у людей реконструкцию произвольной памяти. В памяти – как сенсорном явлении – наблюдается постоянная реконфигурация в соответствии с контекстом, в котором что-то запоминается. Воспоминания – это мысленные образы, которые объединяют наш собственный жизненный опыт с рассказами и версиями других – поскольку всякая

память коллективна, а не просто индивидуальна – которые меняются в каждом настоящем, которое мы вызываем.

Предлагаем подумать о концепции светской иконы, подчеркивая ее связь с памятью, поскольку это фотографии, которые распознаются и которыми делится большая группа, у каждого есть идея идентичности как нации, как страны как сообщество, как район, передаваемый коллективной памятью об определенных общих иконах и стереотипах, поскольку образы, связанные с историей, фундаментальны и неизгладимы, являются общим наследием сообщества, поскольку представляют видимость события. Принять образ как часть собственной личной истории – значит предположить наличие двух составляющих идентичности. Прежде всего, принять тот факт, что у каждого есть – по крайней мере, из поколения в поколение – образы, которые их определяют. Хотя каждый может распознать определенные фотографии, которые хранятся в коллективной памяти, можно идентифицировать мнемонически-парадигматические случаи, такие как фотография Кремля в Казани или портрет Ю.А. Гагарина, ассоциировать как память народа и символ могущества нации, среди других возможных примеров. Во-вторых, под фактическим и мнемоническим воздействием изображений средства массовой информации могут влиять на структуру коллективной памяти.

В то время как символическая сила светских образов, заключается в их многозначной широте, объем обусловлен не просто эстетикой, но и позволяет позиционировать себя перед лицом фактов: он схватывает их и рассказывает и тем самым говорит нам, как мы должны их видеть и понимать. Таким образом, фотография может стать светской, если она объединяет такие сильные полярности, как сокрытие, отображение, канонизация, особенность, фрагментация, универсальность, среди прочего, поскольку указанные полярности позволяют адаптировать их к разным контекстам и временам, отсюда и их культовая ценность. В конце концов, можете увидеть, как с помощью изображения, даже вне собственного контекста и эпохи, индивидуальная собственная память привыкает и осознает то же самое пройденное время.

Историческая память должна быть жизненно важна для того, чтобы члены сообщества могли признать себя временными существами, наследниками культуры, идентичности. И памятные места будут иметь жизненно важное значение в этих исторических сооружениях, потому что в них хранятся материальные ценности, которым удалось пережить испытание временем, они сохранились и являются достоянием народа. Приобретая смысл памятные места становятся символами, представляющими определенные прошлые события, являясь формой социальной памяти, такой как памятник. Идея смысла очень важна, потому что именно благодаря ей люди могут понять и присвоить это прошлое,

наделив его достаточной ценностью, чтобы сохранить его и позаботиться о нем.

Любопытно отметить, что, несмотря на то, что люди не были частью событий прошлого, они могут воспринимать их как свои собственные благодаря исторической памяти, ярким примером могут служить семейные фотографии, человек, возможно, не присутствовал, когда его дяди и отец играли в парке, но благодаря исторической памяти они могут воспринимать это как свое собственное. Рассказ одного из них и изображение того момента включают чужеродное воспоминание в памяти индивида, даже если это не его собственный опыт.

Самое главное, что следует подчеркнуть, это то, что, несмотря на их различия, и история, и память дополняют друг друга, очевидно, память может опровергать факты, навязываемые официальной историей, тем самым способствуя защите прав человека, но история наводит на него порядок благодаря тем, кто ее хранит благодаря методам анализа, сравнения и сопоставления доказательств. Таким образом, одно не превосходит другое, оба важны, и историческая память подчеркивает этот факт, стремясь спасти от забвения свидетельства жертв, способа выразить уважение и проявить сочувствие к ним.

Список литературы

1. Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006. – 55 с.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Гурьева М. М. Повседневная фотография как объект научного исследования // Вестник Ленинградского гос. ун-та им А.С. Пушкина. Серия философия. – 2009. – Т. 2. – № 3. – С. 153–161.
4. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении// Лотман Ю. М. Избранные статьи. – Т. 1. – Таллин, 1992. – 202 с.
5. Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. – М.: Аквилон, 2017. – 256 с.
6. Шестакова М. А. Историческая память: нарративный подход // Вестник Московского университета. – Сер. 7. Философия. – 2022. – № 1. – С. 94–104.
7. Chartier R. Relaciones en el pasado. Historia y memoria. Historia o lectura del tiempo. Gedisa. – 2007. – 93 p.
8. Ricœur P. Memoria, historia, olvido. Fondo de cultura económica. – 2005. – 688 p.

9. Traverso E. La historia como campo de batalla. Interpretación de la violencia del siglo XX. Fondo de cultura económica. – 2011. – 332 p.